

Примечания

¹ Чернова-Дёке Т.Н. Позиция и роль А.П. Ермолова в становлении немецких колоний в Закавказье // Отечественная история. 2008. № 1.

² История российских немцев в последнее время успешно разрабатывается совместными уси-

лиями российских и германских историков, см.: Чернова Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография 1991–2000 гг. Указатель новейшей литературы по истории и культуре немцев России. М., 2001; Немцы России. Энциклопедия. Т. 1–3. М., 1999–2006.

А.В. Ремнев. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2010. 511 с.

В монографии А.В. Ремнева предпринята попытка переосмыслить механизм власти, существовавший в России в пореформенную эпоху, однако многие сюжеты и тенденции рассмотрены автором на более широком временном отрезке – начиная с царствования Александра I и заканчивая Февральской революцией. «Самодержавное правительство» в понимании Ремнева это не что иное, как «механизм российского самодержавного правления» (с. 6), история же Комитета министров представляется ему «главным образом хорошим поводом» для того, чтобы проанализировать «высший уровень власти», реконструировать взаимодействие «самодержавного монарха и его правительства» и обнаружить «разграничительную линию между этими явлениями» (с. 8). Прежде всего Ремнева интересует выяснение правомерности употребления термина «правительственная политика», а также выявление «акторов и институций», причастных к «выработке и реализации» такой политики (с. 9). Однако фактически замысел исследования еще шире. Не будет преувеличением сказать, что на примере «системы высшего управления» автор стремится изложить целостную концепцию специфической российской политической модернизации. Подобный перенос фокуса исследовательского интереса с имеющего длительную историографическую традицию описания «конфликта власти и общества» к изучению «противоречий внутри самой власти» (с. 9) представляется давно назревшим и оправданным.

Поскольку анализ деятельности Комитета министров воспринимается автором книги как «хороший повод» выйти на новый уровень осмысления технологии власти «самодержавного правительства», обращение в первой главе к истории этого государственного учреждения становится неизбежным. При этом следовало бы сразу же отказаться от сугубо институционального подхода и сконцентрироваться на той политической игре, которая велась вокруг статуса как самого этого учреждения, так

и его главы. Так как для автора «самодержавное правительство» – это оптика или даже система «оптик» (с. 10), позволяющая заглянуть «внутрь самой власти», а Комитет министров – прибор для подобного наблюдения, анализ данной политической игры и должен составлять главное содержание вводной главы. Изложенные Ремневыми факты свидетельствуют о том, что он ее хорошо понимает и тонко чувствует. Особенно удачно в этом отношении раскрыт диапазон возможностей Комитета министров (именно как органа «самодержавного правительства»), освещенный сквозь призму политического «искусства редактирования» документов в комитетской канцелярии.

Однако в целом глава все же оказывается перегруженной деталями вследствие попытки Ремнева изобразить Комитет министров через сферу его компетенции, что в принципе едва ли уместно при рассмотрении самодержавия XIX – начала XX в. Политическая система в это время развивалась в направлении некоей специфической формы правового государства с неминуемо должной – раньше или позже, но неизбежно – возникнуть конституционной (со всеми оговорками) регламентацией власти. Не будет ошибкой вслед за автором сказать, что такое направление эволюции политической системы было задано в начале царствования Александра I. Но все-таки точнее, правильнее заметить, что подобный курс был предопределен еще петровской адаптацией западной абсолютистской модели, пускай и воплощенной у нас в очень специфическом исполнении.

Институция (а тем более сфера ее компетенции) в меняющейся политической системе не является сколько-нибудь значимым фактором. Между прочим, Ремнев и сам чувствует условность институционально-компетентного подхода, называя в заключении работы Комитет министров, а также Государственный совет и Сенат «в значительной степени органами универсальной компетенции» (с. 490). И в этом смысле, с одной стороны, автор, говорящий применительно к технологии принятия

политических решений не о самодержавии, а именно о «самодержавном правительстве», абсолютно прав. Но, с другой стороны, невозможно прочертить «разграничительную линию», выделяющую область прерогатив этого правительства – область, некогда безраздельно входившую в монарший «домен», руководствуясь конфликтом (хотя бы завуалированным) компетенций престола и высшей бюрократии. И это даже несмотря на то, что именно из этой борьбы компетенций и возникала та политическая игра, о которой идет речь.

Наглядным примером того, что политическая игра – явление, гораздо более сложное, нежели конфликт компетенций, служило неоднозначное восприятие сановниками статуса председателя Комитета министров. В частности, в книге приводится запись разговора Николая II с С.Ю. Витте при назначении его на эту должность 15 августа 1903 г. Судя по всему, цитируется хранящаяся в РГИА рукопись «Пережитого» А.Н. Куломзина. Причем цитируется некорректно – после ссылки на «Воспоминания» Витте, где по правилам оформления сносок и должна была быть найдена запись. Но и в «Воспоминаниях», переизданных А.Л. Сидоровым (именно на это издание ссылается автор в данной сноске, правда, неверно указав страницу), и в их новой – уточненной и сверенной с оригиналом – публикации («Из архива С.Ю. Витте») беседа изложена иначе. Как пишет вслед за Куломзиным Ремнев, государь тогда назвал предложенную Витте должность «вторым местом в империи»: «Первое – это председатель Государственного совета, а второе – председатель Комитета министров» (с. 65). По свидетельству же Витте, «место председателя Комитета министров» император определил как «самое высшее место, которое только существует в империи»¹. Кто же из мемуаристов – Куломзин или Витте – передал слова Николая II верно, а кто их по каким-то соображениям исказил? Как сам монарх ранжировал должности председателей Комитета министров и Государственного совета? Отмеченная нестыковка исключительно важна как раз в настоящем случае, когда речь идет о семантических нюансах, на которых и строится любая политическая игра.

Во второй главе говорится об отношениях внутри «треугольника», «вершинами» которого, помимо Комитета министров, являлись Государственный совет и Сенат. Именно здесь Ремнев, наконец, переходит к проблематике, обозначенной во введении. По сути, указанный «треугольник» становится для автора тем пространством, в рамках которого наиболее остро проявлялась проблема «совместимости самодержавия» с «принципом законности» (с. 139). Ремнев подробно анализирует динамику изменения статусов и взаимного перете-

кания полномочий этих институтов с начала XIX до начала XX в. В третьей главе им рассматривается круг вопросов, связанных с деятельностью высших комитетов. Само по себе появление этих во многом экстраординарных структур становилось бюрократическим паллиативом преодоления институционального несовершенства «самодержавного правительства». И в то же время – именно в силу их экстраординарности – высшие комитеты оказывались неразрывно связанными с «треугольником» или отдельными его «вершинами», а потому и взаимодействие с ними было бы логичнее проанализировать во второй главе.

Проблема совместимости самодержавия и законности разбирается Ремневым в двух аспектах. Прежде всего это различные попытки снять противоречия в рамках «треугольника» и мнения относительно способов разрешения таких противоречий при своего рода «вынесении за скобки» собственно самодержавия. Так, исходя из соображений «аполитичной» эффективности, А.Д. Градовский и К.А. Скалковский считали (правда, каждый по-своему) Комитет министров более дееспособным учреждением, чем Государственный совет (с. 151, 161). Другой способ влиять на расстановку сил в «треугольнике» состоял в том, чтобы напрямую апеллировать к интересам самодержавия и, соответственно, выставлять действия институциональных конкурентов как дискредитирующие или даже умаляющие роль престола. Ремнев приводит мнение А.А. Половцова, ратовавшего за повышение роли Государственного совета в качестве противовеса министрам, фактически узурпировавшим функции советников монарха (с. 149). М.Н. Катков, В.П. Мещерский, Д.А. Толстой и К.П. Победоносцев, напротив, в той или иной степени, прямо или косвенно выражали сомнения в лояльности Государственного совета (с. 165–167). Второй аспект – действия самодержавия, которые могли оцениваться современниками как несовместимые с представлениями о законности. Например, создание Александром III Комитета о службе чинов гражданского ведомства в обход сложившейся законодательной практики чуть было не закончилась коллективной отставкой нескольких министров (с. 168–169). К сожалению, автор ограничился лишь кратким изложением сути дела, тогда как описываемое событие выводит анализ проблемы самодержавных «нарушений» законности на новый уровень, поскольку может расцениваться и как совершенно легитимный шаг верховной власти, за действовавшей институциональный потенциал (во многом так до конца и не осознанный вплоть до Февральской революции даже приближенными к престолу правоведами) Собственной его императорского величества канцелярии.

Главный вывод второй главы сводится к утверждению о невозможности «в условиях неограниченной монархии» отделить друг от друга «законодательство» и «административное управление» (с. 183). По сути, этим подводятся итог не только главе, посвященной институциональному «треугольнику», но и всему исследованию о «самодержавном правительстве», так как четвертая и пятая главы фактически лишь обосновывают данный тезис. В четвертой главе исследуются адаптационные возможности самодержавия, его способность функционировать в рамках той повестки дня, которую диктовала модернизация. Заданное еще петровскими преобразованиями двойственное положение монарха – одновременно и вне администрации, и во главе ее – необратимо усугублялось, особенно в пореформенную эпоху. Метко подобранные Ремневом цитаты красноречиво иллюстрируют этот процесс. С одной стороны, по наблюдению Б.Э. Нольде, государь являлся «высшим чиновником», увенчивавшим «бюрократическую иерархию» (с. 322). С другой стороны, как отмечал И.И. Тхоржевский, лишь «царская власть» оказывалась «источником права», и не император «опирался на государственные учреждения, а они им держались» (с. 325). Эта двойственность престола дает ключ к постижению закономерностей функционирования, неумолимо нарастающего кризиса и гибели самодержавия. Однако Ремнев почему-то ограничился лишь скептическим отзывом о Тхоржевском, который, по его словам, «так и остался в плену монархической идеи, представляя императора каким-то государственным демиургом» (с. 324). Но в том-то и дело, что взгляд Тхоржевского ничуть не менее рационален и далек от приверженности «монархической идее», чем позиция Нольде. И если игнорировать подобную амбивалентную природу самодержавия, то невозможно понять, что собой на самом деле представляло «самодержавное правительство». Симптоматично, что интерпретационные «спотыкания» автора начинаются сразу после того, как он высказывает предпочтение именно одной, бюрократической, составляющей феномена самодержавия. Констатируя, что «законодательство неясно регламентировало административные полномочия императора» (а могло ли в принципе быть иначе в менявшейся политической системе?), в результате чего возникали «непреодолимые трудности для юристов, озабоченных стремлением определить правовой статус самодержца», Ремнев указывает на параллельное сосуществование двух правительств – «подзаконного» и «надзаконного». Первое составляли министерства как бюрократические институты, второе – министры, своего рода ближний круг царских слуг, т.е. «верховное правитель-

ство» (с. 326). Подобное утверждение выглядит довольно странно. Во-первых, будучи произнесенным впервые уже во второй половине книги, оно нарушает цельность всего предыдущего текста – ни в постановочной части введения, ни в собственно исследовательской части, расположенной до этого утверждения, ничего не говорится о двух правительствах именно в такой формулировке. Во-вторых, приведенные ранее факты ставят под сомнение «подзаконность» институционального «треугольника» или делают ее весьма условной. В-третьих, еще менее убедительным выглядит суждение о «надзаконности» министров – именно как лиц, приближенных к самодержцу. Министры могли быть и часто бывали надинституциональны в отношении возглавляемых ими ведомств, но никак не являлись «надзаконными». Привилегией быть «надзаконным» обладал лишь царствующий монарх. Перечисленные нестыковки как раз напрямую вытекают из сугубо бюрократического восприятия самодержавия и игнорирования его сакральной составляющей. Для Ремнева же указание на сосуществование двух правительств обеспечивает подход к объяснению невозможности «институционального единства министров» (с. 335). Но если «взаимоотношения министров и монарха» автор совершенно справедливо считает «стержнем всей системы центрального управления империи» (с. 339), то сведение этих взаимоотношений исключительно к конфликту компетенций было бы их неоправданным упрощением – тогда пришлось бы расценивать конъюнктурную востребованность министров для престола как своеобразное проявление их политической субъектности, что не соответствует действительности. Министры всего лишь «светили» отраженным от монарха светом, и на последней странице заключения Ремнев признает этот факт (с. 494). При этом создавалось обманчивое впечатление целой «иллюминации», которая лишь усугубляла интригу политической игры². И происходило это опять-таки в ходе переживавшегося политической системой перерождения, делавшего монарха все более зависимым если пока и не от правовых установлений, то от тонко чувствовавшейся всеми действовавшими лицами «нормы». Не следовало бы тогда автору проанализировать соотношение политики институциональной и персонализированной на разных этапах такого перерождения?

В пятой главе весь очерченный выше комплекс проблем спроецирован на эпоху Николая II – от восшествия на престол до упразднения Комитета министров в ходе трансформации политического строя империи осенью 1905 – весной 1906 г. Как компендиум грамотно подобранного и хорошо организованного фактического материала эта глава, несомненно,

представляет интерес. Но в развитие авторской концепции она не привносит ничего нового по сравнению с тем, что уже было выражено в предыдущей части книги. Ремнев всецело соглашается с приведенными в заключении монографии словами А.Е. Преснякова: «Не отрекаясь от своей сущности, самодержавие не могло быть введено не только в конституционные, но и в бюрократические рамки» (с. 493).

Действительно, заданный Петром I вектор исторического движения предопределял перемены, не оставлявшие самодержавию никакой перспективы. Различные версии европейского конституционализма предполагали перераспределение суверенитета между политическими силами, которые и прежде в той или иной форме обладали субъектностью. В условиях самодержавия вся полнота суверенитета принадлежала исключительно престолу. Остальные акторы были субъектны лишь настолько, насколько им это позволяла верховная власть. Петр I заимствовал европейские абсолютистские институты ради совершенно определенной и прагматичной цели – сделать более эффективным именно «служебное государство». В результате получилось бюрократическое самодержавие.

Драматургия европейского конституционализма – это конфликт между представительством и короной. Драматургия же российского конституционализма – противостояние между бюрократией и верховной властью. Бюрократия стремилась из пользователя чужим суверенитетом превратиться в обладателя суверенитетом собственным. Притязание это было завуалированным, проявлявшимся преимущественно в знаково-символической аранжировке политического процесса. В этом ряду, кстати, можно рассматривать и анализируемое Ремневым положение министров, оказавшихся благодаря практике всеподданнейших докладов исключительными информаторами государя и интерпретаторами его воли (с. 339). Но ни в коем случае нельзя преуменьшать значимость подобного – фонового, подспудного – противостояния. Оно вырабатывало привычку, общее мнение, претендовавшее на монопольное истолкование здравого смысла. В пореформенную эпоху взгляд на неизбежность конституционалистской перспективы стал в среде бюрократии общепринятым – по-разному оценивались лишь сроки, когда это может произойти. Бюрократия не только придавала такой конституционалистской риторике обыденность, означавшую, что подобное мнение разделяется по умолчанию, но и оказалась причастной (в лице М.М. Сперанского, М.Т. Лорис-Меликова и других своих представителей) к насаждению в России представительской культуры. Примечательно, что в третьейюньский период бюрократия не ви-

дела альтернативы нахождению общего языка с Думой, а вовсе не ратовала за минимизацию участия Таврического дворца в политическом процессе и уж тем более за возврат к ситуации до 17 октября 1905 г. Поэтому неправомерно, как это делает Ремнев, разводить «домодерные покушения», предпринимавшиеся на власть самодержцев их «ближайшими сотрудниками и советниками», и «угрозу» престолу от «представительных учреждений» (с. 494). И те и другие посягательства были лишь разными сторонами одного, специфически российского, конституционалистского процесса.

Именно вследствие того, что самодержавие все более и более оказывалось запертым «в бюрократических рамках», оно неминуемо шло к конституции, а значит – к отречению «от своей сущности». Но не следует питать иллюзий, никакого конституционно-монархического шанса у России не было. Так как конкуренты самодержавия исторически не обладали собственным суверенитетом, а намеревались экспроприировать суверенитет престола, они неизбежно превращались в непримиримых врагов верховной власти. Поэтому конечным результатом развития петровской государственной модели мог быть только ее слом, хотя он и не был фатально предрешен именно в феврале 1917 г. Определенный потенциал у режима еще оставался. Балансирование на сложной конструкции институциональных и персональных сдержек и противовесов, сочетание архаичного внеинституционального механизма принятия решений с регламентированной представлением о «норме» законодательной практикой придавали системе определенную гибкость, а значит, устойчивость.

Впрочем, с концепцией А.В. Ремнева данное рассуждение смыкается лишь в конечном пункте – в выводе об исторической обреченности самодержавия. Однако очевидно, что собранный и аналитически выстроенный им в книге материал допускает и совершенно иную интерпретацию.

**Д.А. Андреев, кандидат исторических наук
(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)**

Примечания

¹ См.: *Bumme С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 244; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. С. 615.

² О развитии такой интриги, а также о реальном месте отношений императора с министрами в системе самодержавного властвования см.: *Шилов Д.Н.* Феномен всеподданнейшего доклада в политической жизни Российской империи (XIX – начало XX в.) // Клио. 2000. № 2 (11). С. 60–67.